

Эта картина была до жути пугающей.

Лицо на фотографии, проступающее сквозь черно-белые тона сизым налетом, казалось пустым и безжизненным, и лишь уголки губ едва заметно изгибались в подобии улыбки. Стоило Сун Гуйчэну моргнуть, как снимок принял свой обычный вид.

Словно все только что увиденное было лишь игрой воображения.

Он потер зябко ноющую шею и отошел подальше от жертвенного алтаря, едва не опрокинув стоявшую позади жаровню.

После завтрака те, кто дежурил в поминальном зале всю ночь, разошлись по домам отсыпаться.

Следуя за ними, Сун Гуйчэн смог наконец рассмотреть деревню целиком.

Она расположилась у подножия горы, окруженная сельскохозяйственными угодьями. Сейчас, поздней осенью, урожай риса уже был собран, и поля засеяли молодой изумрудной пшеницей.

У самого входа извивалась узкая, похожая на кишку тропинка, теряющаяся где-то вдаль. Деревенские дома стояли разрозненно, на приличном расстоянии друг от друга.

Сун Гуйчэн остановился у ворот семьи Ли, оценивая планировку деревни, и мысленно отбросил любые надежды на побег в случае беды.

Даже если удастся выбраться из дома, прятаться здесь негде. К тому же он не был уверен, что все обитатели деревни — живые люди.

От мысли, что ему предстоит еще два дня дежурить с живыми мертвецами и участвовать в похоронах, по спине пробежал холодок.

Разве это нормально — позволять мертвецам хоронить мертвецов?

Он уже хотел отвести взгляд, как вдруг в поле зрения возник шатающийся силуэт.

Когда фигура приблизилась, Сун Гуйчэн разглядел мужчину лет сорока-пятидесяти. Тот шел, пошатываясь, словно конечности его не слушались.

Лицо мужчины покраснелось, он брел, пиная дорожную пыль.

Напился, что ли, — подумал Сун Гуйчэн и, не питая симпатии к пьяницам, собрался было уйти в дом.

Стоило ему сделать пару шагов, как в нос ударил резкий запах спиртного. Он невольно поморщился.

— Эй, ты еще кто такой? Чего забыл в моем доме? — донеслось сзади невнятное бормотание.

Оказалось, что этот пьяница — дядюшка Ли. Теперь притворяться, что его здесь нет, было нельзя. Сун Гуйчэн обернулся и вежливо поздоровался:

— Дядюшка Ли, я пришел помочь вам с поминальной вахтой.

— Вахтой? — мужчина на мгновение замер. — А, ну да, у нас же покойник в доме.

Ну да, покойник в доме. Ни капли скорби, полное безразличие. В первую же ночь после смерти дочери он напился до беспамятства.

Дядюшка Ли подошел ближе и ухватил Сун Гуйчэна за воротник, дернув на себя. Сун Гуйчэн не успел среагировать и оказался лицом к лицу с изможденным стариком.

Опухшее лицо в глубоких морщинах, искаженная гримаса, глаза налиты кровью и подернуты мутной пеленой, будто он утонул в бездонном море алкоголя.

От него разило не только спиртным, но и табаком, и кислым запахом немытого тела.

Сун Гуйчэна замутило.

— Дядюшка Ли, вам бы лучше отдохнуть, — проговорил он, пытаясь высвободить воротник из цепкой хватки.

Но мужчина не только не отпустил его, а придвинулся еще ближе, прикрыл глаза и начал принюхиваться, судя по выражению лица — с явным наслаждением.

Сун Гуйчэн инстинктивно втянул голову в плечи. Когда лицо дядюшки Ли было уже в сантиметре от его собственного, он нашел выход:

— Дядюшка Ли, сходите проверьте свечи, а то вчера они погасли без всякой причины.

При упоминании свечей на лице мужчины промелькнул страх. Пробормотав что-то невнятное, он направился в западное крыло спать.

Он угадал. Сун Гуйчэн поправил помятый воротник. Дядюшка Ли боится, когда свечи гаснут, или, вернее, боится того, что появляется после этого.

Он бросил взгляд на двух бумажных человечков. Когда свечи гаснут, те начинают двигаться — возможно, именно этого он и опасается.

Сун Гуйчэн нахмурился: цвет зеленого бумажного человечка стал заметно темнее, чем вчера.

Несмотря на то, что подобные вещи вызывали у него отвращение, он пересилил страх и внимательно осмотрел их.

Цвет действительно изменился, словно фигурки намокли или испачкались в чем-то.

Он уже хотел коснуться их, как почувствовал хлопок по плечу.

— Что ты делаешь? — Ли Цинтун смотрел на него сверху вниз, слегка приподняв бровь. Его темные глаза казались бездонными.

Сун Гуйчэн, как школьник, пойманный на месте преступления, поспешно спрятал руки за спину:

— Ничего я не делал.

Ли Цинтун многозначительно добавил:

— Не подходи слишком близко к этим бумажным человечкам.

Не подходи слишком близко — это подсказка? Сун Гуйчэн прикусил губу. Бумажные человечки определенно опасны, значит, совет верный.

Он проводил взглядом уходящего Ли Цинтуна. Тот не проявлял агрессии и выглядел вполне нормальным человеком, но Сун Гуйчэн не спешил терять бдительность. Никто не знает, к чему приведет малейшая оплошность.

Когда он был рядом с зеленым человечком, то почувствовал запах сырости, отдающий речной тиной. Но от красного человечка такого запаха не исходило.

Сун Гуйчэн задумался.

Он перевел взгляд на черный гроб в центре зала. При дневном свете он разглядел, что крышка была наглухо заколота семью гвоздями.

Он был поражен. Гвозди в гроб вбивают только перед погребением, и никогда не заколачивают наглухо, ведь считается, что тогда душа покойного будет навечно заперта внутри.

Так это что, они так дочь хоронят?

В смятении он посмотрел на фотографию на алтаре. Благовония в курительнице догорели. Поколебавшись, он подошел и зажег еще три палочки.

— Спасибо тебе, Сяо Сун, — неизвестно откуда взявшаяся тетушка Ли подошла к алтарю.

Ее глаза были опухшими от слез, лицо — мертвенно-бледным. Она хотела коснуться лица дочери на фото, но в последний момент дрогнула и отдернула руку.

Тысячи слов утешения застряли у Сун Гуйчэна в горле, и он лишь произнес:

— Примите мои соболезнования.

Смерть близкого — это не внезапный ливень, это вечная сырость, пропитывающая всю жизнь.

Сердце Сун Гуйчэна больше не рвалось от боли, но, подобно серому небу над головой, оно вряд ли увидит ясные дни.

Собравшись с духом, он спросил:

— Тетушка Ли, староста сказал, что Цайся внезапно заболела и умерла дома. Что это была за болезнь?

Тетушка Ли сжала край стола и отвела взгляд:

— Кто ж знает. Была здорова, а потом вдруг взяла и слегла.

— Моя доченька была такой красивой и послушной... А этот негодяй... — она внезапно замолчала, а потом зарыдала, роняя слезы, как жемчуг с порванной нити. — Завтра предадим ее земле. Прах к праху, земля к земле.

— Пусть в следующей жизни не рождается моей дочерью, — она вытерла слезы.

Сун Гуйчэн заметил на ее запястьях, скрытых рукавами грубой ткани, сине-багровые следы, похожие на ожоги от веревки.

Домашнее насилие. Другого объяснения он не видел.

Безымянный гнев вскипел в его груди, он сжал кулаки так, что побелели костяшки.

Тетушка Ли немного успокоилась:

— Сяо Сун, помоги мне потом с обедом.

— Хорошо, конечно.

Стоило тетушке Ли отвернуться, как две из трех палочек благовоний в курильнице разом переломились.

Две короткие, одна длинная!

В гадании на благовониях это дурной знак, предвещающий беду и неполноту.

Сун Гуйчэн напрягся. Тетушка Ли стояла на коленях перед алтарем, и ее выражение лица было пугающе похоже на выражение лица Ли Цайся на фотографии.

Похоже, смерть Ли Цайся — не просто болезнь, как твердили в деревне. Здесь кроется нечто иное.

Он вспомнил, как тетушка Ли в сердцах назвала кого-то негодяем. Скорее всего, это тот же человек, что поднимал на нее руку.

Он посмотрел на западное крыло, где спал старик Ли. В доме Ли, кроме него, некому было измываться над женщинами. Сун Гуйчэн сжал кулаки.

Время до обеда тянулось мучительно долго. Небо было затянуто тучами, и определить время было невозможно.

Когда пришло время готовить, тетушка Ли позвала его на кухню.

Там пахло дымом. В углу стояла печь с двумя котлами, белые стены, когда-то побеленные известью, закоптились и почернели, словно через серый фильтр.

Тетушка Ли указала на сухие стебли бобов и солому:

— Не подкладывай слишком много, а то пригорит.

Сун Гуйчэн кивнул и сел на низкий табурет. Он никогда раньше не занимался таким делом и заметно нервничал.

К счастью, тетушка Ли руководила процессом, следя, чтобы огонь не был ни слишком сильным, ни слишком слабым.

Пламя в печи весело облизывало края котла, теплый оранжевый свет отражался в его темных глазах.

— Сун Гуйчэн.

Голос Ли Цинтуна раздался из-за спины. Сун Гуйчэн, копавшийся в шелухе бобов, инстинктивно хотел обернуться.

Но внезапно на него нахлынуло чувство смертельной опасности. Он замер, едва не открыв рот.

Разве кто-то в деревне называл его по имени? Ли Цинтун никогда не обращался к нему так!

Что это за тварь его позвала?!

Ледяные руки легли ему на шею, заставив вздрогнуть. Температура вокруг резко упала, словно он окунулся в ледяную воду.

Он опустил голову еще ниже, не произнося ни звука, лишь дрожащие руки выдавали его страх.

— Сун Гуйчэн.

Голос Ли Цинтуна продолжал звучать — низкий, холодный, магнетический. Если бы он не осознал подвох, то наверняка бы обернулся.

— Сун Гуйчэн~

В голосе слышались игривые нотки.

Сун Гуйчэн про себя подумал: не зови меня, у нас все равно ничего не выйдет!

Вес на плечах становился тяжелее, холод пробирал до костей. Видя, что огонь в печи гаснет, он, преодолевая оцепенение, подбросил соломы.

Вспыхнувшее пламя радостно заплясало под котлом, тяжесть на шее тут же ослабла, а холод отступил.

Вот оно что.

Сун Гуйчэн запихнул в печь охапку соломы, огонь разгорелся с новой силой, едва не опалив его. Из котла слышалось бульканье закипающей воды.

— А-а-а! — раздался короткий, странный вскрик. Тяжесть исчезла вовсе, и он, обессиленный, сполз по стене, чувствуя, как рубашка прилипла к спине от холодного пота.

— Сяо Сун, ты чего творишь!

Тетушка Ли, вернувшись с охапкой дров, оттолкнула его и открыла крышку котла, где почти выкипела вода.

— Я же говорила не делать такой сильный огонь, хорошо хоть мясо не сгорело... — ворчала она, вылавливая куски свинины.

Сун Гуйчэн, придя в себя, поднялся, опираясь на стену:

— Извините, тетушка Ли, я задумался.

Тетушка Ли посмотрела на его искренне виноватое лицо и, проворчав еще пару слов, не стала

ругаться.

Она велела ему сесть обратно, а сама принялась нарезать мясо. Но тут он сам окликнул ее:

— Тетушка Ли.

— А?

— Может, я буду резать, а вы будете следить за огнем?

— Ван Вэньтун.

Услышав зов Ли Цинтуна, он не обернулся и не ответил — он до смерти боялся этого загадочного мужчину.

— Ван Вэньтун?

Голос Ли Цинтуна приближался, в нем сквозило недовольство. Ван Вэньтун вспотел, его ноги онемели, и он испуганно ответил:

— Да, я здесь.

Стоило ему ответить, как голос стих. Ван Вэньтун обернулся, но никого не увидел. Только тогда он понял, что совершил ошибку.

Сердце бешено колотилось, руки дрожали так, что он не мог удержать полено. Вокруг стояла мертвая тишина.

Хруст сломанной ветки за окном стал последней каплей. Он вскочил с табурета, собираясь броситься вон.

В этот момент веревка, возникшая из ниоткуда, намертво сдавила ему горло. Он рванулся, но невидимая сила потянула его назад.

Веревка тянула его вверх, он вцепился в край печи, лицо начало синеть от нехватки воздуха, тело забилось в конвульсиях.

В конце концов, он повис в воздухе, беспомощно дрыгая ногами, пока сознание не померкло.

Тело Ван Вэньтуна рухнуло на кучу дров. Он перестал дышать, а на шее остался багровый след.

Игрок Ван Вэньтун выбыл.

Игроки, которые обернулись или ответили, зайдя на кухню, погибли без исключения. Те, кто отказался помогать тетушке Ли, временно избежали участи.

За обеденным столом собрались четверо: семья Ли и Сун Гуйчэн.

Хотя людей было мало, на столе стояло восемь блюд. Сун Гуйчэн, как обычно, жевал свой отварной тофу.

Он должен быть благодарен уже за то, что у него есть тофу, а не пустой желудок.

Ли Цинтун попробовал кусочек, отложил палочки и окинул взглядом блюда:

— Кто готовил?

Атмосфера за столом моментально сгустилась.

Сун Гуйчэн вздрогнул и прошептал:

— Я...

Ну вот, приготовил на свою голову. Надо было просто сидеть и подкладывать дрова.

Ли Цинтун повернул голову и увидел пушистую макушку, склоненную почти к самой миске. Он слегка приподнял бровь:

— Вкус...

Сун Гуйчэн замер. Невкусно? Старший брат, скажи прямо, я исправлюсь — хоть на пару, хоть вареное, хоть тушеное, хоть ломтиками, хоть кубиками! Только прикажи!

Он затаил дыхание и услышал, как Ли Цинтун медленно произнес:

— Неплохо.

Тело Сун Гуйчэна обмякло. Он вытер несуществующий пот со лба и подобострастно положил Ли Цинтуну кусок тушеной свинины:

— Если нравится, ешьте больше, старший брат.

Ли Цинтун посмотрел на мясо в чашке и, наконец, отправил его в рот. Вкус был именно таким, как он ожидал: мягкий, тающий, с долгим послевкусием.

<http://bllate.org/book/20722/2073787>